

Р. Гаральски

Красная
ручка

Р. Гаральски
Красная ручка

«Автор»

2026

Гаральски Р.

Красная ручка / Р. Гаральски — «Автор», 2026

«Кто ходит в подвал после полуночи, тот видит то, что не должен видеть». Эта надпись в книге жалоб гостиницы «Старый Маяк» становится первым звеном в цепи странных событий. Алиса, новая администраторша, пытается разобраться, почему по ночам в пустом холле раздаются шаги, откуда в запертом подвале берутся розы и кто такая девочка с куклой без лица, которую никто, кроме неё, не замечает. А ещё — кто на самом деле тот таинственный ночной администратор, с которым она обменивается записками, но никогда не встречается лицом к лицу. Расследование приводит её в тридцатилетнюю давность, к убийству, которое никто не расследовал. Но правда оказывается страшнее, чем она могла предположить — и ближе, чем кажется.

© Гаральски Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Книга жалоб	5
Глава 2. Правила общения и странности	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Р. Гаральски

Красная ручка

*За облаками нет времени.
Там только свет и тишина.
Две души стояли друг напротив друга.
Они не помнили имён. Не помнили, кем были. Не помнили даже, как
выглядят лица — только тепло, которое исходило от них.
— Мы встретимся там?
— Обязательно. Я буду ждать за стойкой.
— А я буду писать тебе записки.
Они разошлись в разные стороны.
«Я тебя узнаю».
«Я тебя найду».
А потом — тишина. И первый вдох.*

Глава 1. Книга жалоб

Из всех дверей, которые могли ей открыться, Алиса никогда не думала, что окажется здесь.

«Старый Маяк» встретил её промозглым утром понедельника, когда город ещё дремал под пеленой серого неба, а последние капли дождя лениво стекали по мокрому асфальту. Она стояла перед массивными, почерневшими от времени дубовыми дверями, чувствуя, как в кармане куртки сжимаются последние деньги, а в горле предательски застревает комок.

— Ты справишься, — прошептала она себе, пытаясь придать голосу уверенности, которой не было и в помине. — Это просто работа. Всего на пару месяцев.

Но даже эти слова звучали фальшиво. Она не верила в них ни секунды.

Алисе было двадцать шесть. Худенькая, с копной тёмных волос, небрежно собранных в хвост, и серыми глазами, которые сейчас смотрели на облупившуюся, выцветшую вывеску гостиницы с откровенной безнадежностью. Её лицо ещё хранило следы недавних слёз: припухшие веки, словно налитые свинцом, бледная, почти прозрачная кожа и губы, искусанные до боли. Она сбежала. Сбежала от всего, что душило её: от разбитого сердца, от накопившихся долгов, от города, где каждый уголок, каждый звук, каждый взгляд напоминал ей о её никчемности, о том, что она никому не нужна.

Она вспомнила тот вечер за неделю до побега. Андрей вернулся домой в четыре утра, но девушка не спала — ждала, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому звуку на лестничной клетке. Он не кричал сразу. Это было страшнее. Сначала тишина, потом шаги в прихожей, потом долгая, звенящая пауза, когда он стоял над ней, а она делала вид, что спит.

— Ты где была? — его голос был тихим. Слишком тихим.

— На работе. Ты же знаешь.

Он усмехнулся, и эта усмешка резанула по нервам острее любого крика. Потом он ушёл на кухню. Девушка слышала, как открывается холодильник, как звякает бутылка, как медленно, с удовольствием, льётся в стакан. Она лежала не двигаясь, считая удары сердца. Когда он вернулся, в его руке была тарелка с недоеденным ужином. Он поставил её на тумбочку рядом с её лицом.

— Ешь. Я смотрел, ты за день ничего не жевала. Тощая, как смерть.

Она не стала есть. И это была ошибка. Тарелка полетела в стену в трёх сантиметрах от её головы, разлетевшись на острые белые осколки. Один из них задел щёку — Алиса почувствовала тёплую кровь, но не подала виду. В такие моменты нельзя было плакать. Слёзы его только раззадоривали.

— Ты мне надоела, — сказал он и ушёл спать.

Она просидела на полу в ванной два часа, прижимая к груди плюшевого кота, который почему-то грел. В шесть утра, когда храп Андрея стал ровным, она взяла рюкзак — в нём уже лежали паспорт, зарядка, две футболки и кроссовки. Всё. Она брала с собой только то, что нельзя было оставить.

Девушка не оглянулась. Ни когда выходила из квартиры, ни когда спускалась по лестнице, ни когда садилась в первый попавшийся автобус до вокзала. У неё было три тысячи рублей и желание исчезнуть. Этого оказалось достаточно, чтобы доехать до города, где никто её не знал, начать подрабатывать официанткой в ночном клубе и через пару месяцев наткнуться на объявление о работе администратором в гостинице.

«Сбежать от прошлого оказалось легче, чем от себя», — подумала Алиса, открывая тяжёлую дверь. Гостиница «Старый Маяк» была её последней, отчаянной надеждой.

Внутри густо пахло воском и временем. Это был запах старых, вытканых вручную ковров, полированной до блеска мебели, чьих-то давно ушедших жизней, сплетённых в единое целое. Холл был огромен и пуст, словно застывший во времени зал ожидания.

Единственным признаком жизни была стойка ресепшн, освещённая тусклым светом зелёной лампы, несколько глубоких кресел, обитых выцветшим, бархатным велюром, и широкая лестница, уходящая вверх, в таинственный полумрак, где таились нераскрытые истории.

Новый администратор шагнула вперед, и тишину просторного холла разорвал скрип её кроссовок по начищенному до блеска паркету. Звук, такой обыденный, но в этой пустой, застывшей атмосфере он был почти оглушительным, подчеркивая её одиночество. Она подошла к массивной стойке, словно к последнему бастиону в этом безмолвном царстве.

— Здравствуйте, — произнесла она, обращаясь скорее к воздуху, чем к кому-либо конкретному. Голос её прозвучал чуть глуше, чем она ожидала, словно утонув в невидимых стенах. — Я Воронцова Алиса. Меня приняли на должность дневного администратора.

Ответа не последовало. Лишь эхо её собственных слов, запутавшись в высоких потолках, вернулось к ней, принося с собой ощущение полной изоляции.

Девушка огляделась, пытаясь уловить хоть какое-то движение, хоть малейший признак жизни. На стойке покоились предметы: толстый, внушительный журнал в потертом кожаном переплете с выцветшей надписью «Книга жалоб и предложений», старинная настольная лампа с зеленым абажуром, чьи-то забытые очки с толстыми линзами и, наконец, красная ручка.

Её пальцы сами собой потянулись к ручке. Дешевый пластик, шершавый от времени, колпачок, истерзанный чьими-то зубами — явный признак нервозности или, быть может, скуки. «Уютно», — промелькнула горькая мысль, сопровождаемая кривой усмешкой.

— Не советую, — раздался низкий, бархатистый голос прямо у неё за спиной.

Алиса вздрогнула, словно от внезапного удара, и резко обернулась.

В дверном проеме возникла невысокая, сгорбленная фигурка, окутанная в мягкий бежевый халат. Время оставило на ее лице глубокие, замысловатые узоры морщин, но глаза, напротив, горели живым, пронзительным огнем. Они были похожи на глаза старого кота, который как будто дремлет, но на самом деле подмечает каждую мелочь, каждую тень, каждый шорох. Седые, тонкие волосы были стянуты в тугую, аккуратный пучок на затылке, подчеркивая строгость ее облика.

— Зинаида Павловна, горничная, — представилась она, и ее голос, хоть и тихий, звучал с неожиданной твердостью. — Не стоит, милочка, чужие вещи трогать. Там лежит синяя ручка

— она твоя. А вот красная... красная принадлежит ночному администратору. Без нее он, знаете ли, начинает нервничать.

Девушка, почувствовав укол стыда, тут же отложила ручку.

— Простите, пожалуйста. Я не знала.

— Ничего страшного, — Зинаида Павловна обвела ее взглядом, который проникал в самую душу. Ее взгляд задержался на припухших веках Алисы, выдававших недавние слезы. — Плакала, значит? Первый день всегда такой. Но у нас тут тихо, спокойно. Не бойся.

— Я не боюсь, — выдохнула девушка, но слова прозвучали неубедительно даже для нее самой.

Горничная тихо усмехнулась. Это была не насмешка, а скорее усталая, понимающая улыбка человека, который видел на своем веку немало подобных сцен.

— Будешь, — голос Зинаиды Павловны звучал твердо, как сталь, но в нем проскальзывала нотка обещания, — но всему свое время. А пока, слушай внимательно, и запоминай каждое слово.

Она извлекла из кармана своего неизменного халата связку ключей, тускло блеснувших в полумраке коридора.

— Вот, — она протянула их Алисе, — номера с 1го по 15й. Но есть одно железное правило: 13й номер — табу. Никогда, слышишь, никогда не заселяй туда никого. Если кто-то будет настаивать, скажи, что он занят. Даже если это ложь. Ключи от 13го номера и подвала, — она указала на отдельный, более массивный ключ, — висят у меня. Тебе они не понадобятся. И запомни, твой напарник, Дамир, ночной администратор, работает с восьми вечера до восьми утра. Твоя смена — с восьми утра до восьми. Вы не должны пересекаться. Ни при каких обстоятельствах.

Алиса, чье сердце уже успело забиться в предвкушении новой жизни, не могла сдержать любопытства.

— А где он? — спросила она, ее голос звучал немного робко, но с искренним интересом. — Дамир? Я бы хотела с ним познакомиться.

— Не получится, — отрезала Зинаида Павловна, ее лицо стало непроницаемым, словно каменная маска. — Он приходит, когда ты уходишь. И уходит, когда ты приходишь. Так уж повелось.

— Но почему? — девушка почувствовала легкое разочарование, смешанное с нарастающим недоумением.

— Потому что он... странный, — горничная понизила голос до шепота, словно боясь, что стены могут услышать. — Я не люблю говорить плохо о людях, но... он не такой, как все. Работает исправно, постояльцы не жалуются. Но я с ним не общаюсь. И тебе настоятельно советую: держись от него подальше.

Алиса хотела расспросить, что именно подразумевается под "странным", но Зинаида Павловна уже развернулась, ее шаги зазвучали решительно по направлению к лестнице.

— Запомни главное, — бросила она на ходу, ее голос эхом отразился от стен, — красная ручка — его. Не трогай ее. И в книгу жалоб без крайней необходимости не лезь. Там пишет только он. Ну и постояльцы, конечно. Но он — первый.

Дверь за ней хлопнула, оставив Алису наедине с тишиной, ключами и загадочным предостережением о ночном администраторе.

Девушка осталась одна. Тишина давила. Чтобы хоть чем-то себя занять, она решила осмотреться. За стойкой обнаружилась маленькая дверь, почти незаметная, выкрашенная в тот же темный цвет, что и стены. Алиса толкнула её — та подалась с удивлённым скрипом.

За дверью оказалась подсобка. Тесная, но уютная. Тяжёлый запах старых книг, пыли и почему-то яблок. Полки вдоль стен были заставлены коробками с канцелярией, пачками туа-

летней бумаги, дешёвыми гелями для душа. В углу стоял продавленный диван, на котором кто-то явно спал — подушка хранила вмятину от головы, а клетчатый плед был небрежно скомкан.

На маленьком столике рядом с диваном девушка увидела заварник с остатками чая — уже холодного, с плёнкой на поверхности. Рядом — чашка с отколотой ручкой, на доньшке которой темнели кофейные разводы. Кто-то жил здесь. Или ночевал. Или просто прятался от одиночества между сменами.

Её взгляд зацепился за книгу. Старое, потрёпанное издание Достоевского, из которого торчала самодельная закладка — сложенный в несколько раз листок бумаги. Алиса осторожно раскрыла книгу. На титульном листе шариковой ручкой было выведено:

«Дамир, не забудь купить молоко. И хлеб. И если ты опять съешь мои кексы — я узнаю.»

Девушка улыбнулась краешком губ. Почему-то эта маленькая, дурацкая записка, оставленная неизвестно когда и неизвестно кем, согрела её.

«Дамир», — повторила она про себя. Имя оказалось тёплым, почти домашним. Она представила себе человека, который спит на этом диване, пьёт чай из чашки с отколотой ручкой, забывает купить молоко и получает шуточные записки от невидимого коллеги. «Наверное, он обычный, — подумала Алиса. — Усталый, как все. И такой же одинокий».

Она аккуратно закрыла книгу и положила на место. Правила гостиницы запрещали трогать чужие вещи, но этот маленький, почти домашний беспорядок показался ей не нарушением, а обещанием. Обещанием того, что даже в «Старом Маяке» есть место для обычной, человеческой жизни.

Девушка вышла из подсобки, осторожно притворив за собой дверь. В холле по-прежнему было пусто, но теперь эта пустота перестала быть враждебной. Просто ожидающей. Она выдохнула, и этот выдох был долгим, почти болезненным, как будто она только что вынырнула из ледяной глубины, пытаясь набрать в легкие спасительный кислород.

Но это была всего лишь работа. Работа, которая приносила деньги. А деньги — это был ее билет в новую жизнь. Ту самую, где больше не будет его, бывшего, который ее мучил. Ту, где не будет материнского голоса, произнесшего когда-то роковое «сама виновата», словно приговор. Ту, где наконец-то перестанет зиять эта бездонная пустота в груди, которую ничем невозможно заполнить.

Алиса опустилась на скрипучий стул, положила свою синюю ручку — такую же обычную, как и она сама — на стойку, и открыла толстый журнал регистрации, пахнувший пылью и старой бумагой.

— Старый Маяк, — прошептала она, словно обращаясь к самому зданию. — Может быть, здесь я найду то, что так отчаянно ищу. Или хотя бы то, что поможет мне забыть.

День тянулся невыносимо медленно, словно каждая минута растягивалась в вечность. Постояльцев было мало. В двенадцать часов, когда солнце максимально согревало землю, на пороге появился мужчина. Он был высок, но сутул, и нес с собой чемодан, у которого одна защелка болталась на честном слове. Его лицо было изборождено глубокими тенями под глазами, словно он не спал уже много дней. Он молча протянул руку за ключом. Алиса выдала ему ключ от 8го номера. Мужчина лишь кивнул, не произнеся ни слова, и растворился в полумраке коридора.

В два часа дня, когда лучи солнца сильно нагревали пыльные окна, появилась старуха. Она была одета в черное с головы до ног. Ее глаза, спрятанные под полями старой шляпы, были острыми и пронзительными. Она потребовала 14ый номер и, к удивлению Алисы, попросила оставить ключ под ковриком.

— Я оставлю его, — прокрипел ее голос, словно старая дверь. — Не ждите меня.

Администратор хотела возразить, хотела спросить, почему, хотела понять, но старуха уже повернулась и пошла. Точнее, девушка моргнула, и ее не стало. Словно растворилась в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах лаванды и недоумение.

«Здесь что, все с ума сошли?» — подумала Алиса, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок.

К пяти часам вечера она уже устала сидеть без дела. Пустой желудок сводило от голода, и единственным спасением, которое она успела урвать по пути, было печенье в шоколадной глазури.

— Хотя ты меня не подведешь, — прошептала она, обращаясь к своему единственному спутнику, и с наслаждением откусила половину.

Когда стрелки часов перевалили за семь, мир за окном начал погружаться в бархатную темноту. Алиса щелкнула выключателем настольной лампы, и мягкий зеленый свет разлился по комнате, осветив стойку, ее синюю ручку и, наконец, книгу жалоб.

Первая страница встретила ее ярким, почти кричащим красным текстом, написанным густой пастой. Девушка наклонилась, вчитываясь в строки:

«Дневная смена, привет. Я Дамир. Правила простые: если принесла кексы — клади в холодильник, я заберу. Если в номере 13 кто-то плачет — это не постоялец, просто игнорируй. И пожалуйста, не трогай красную ручку. Она моя. С уважением, Ночной Каратель»

Алиса моргнула, перечитала. И вдруг, впервые за весь этот долгий, унылый день, на ее лице расцвела искренняя, живая улыбка. Она рассмеялась, и смех этот был чистым, без тени усталости или притворства.

— «Ночной Каратель», — проговорила она сквозь смех, не веря своим глазам. — Серьезно?

Свет от настольной лампы мягко очерчивал её лицо, когда девушка, с лёгкой улыбкой, склонилась над страницами. Её пальцы, ловкие и точные, взяли в руки синюю ручку. Под красными строками она вывела свои слова, словно добавляя последний штрих к картине.

«Каратель, кексы кончились. Но я оставила тебе печенье с шоколадом. Красную ручку я спрятала в сейф. Пароль — твоё имя задом наперёд. Доброй ночи, Дневная Фея»

Закончив, она с лёгким щелчком захлопнула тяжёлую обложку книги, словно закрывая дверь в другой мир. Ручка вернулась на своё место, а сама Алиса откинулась на спинку кресла, позволяя усталости окутать её.

За окном уже сгустилась бархатная темнота осени, лишь редкие фонари пробивались сквозь пелену сырости. Часы на стене показывали без пятнадцати восемь, время, когда город начинал дышать по-новому, готовясь к ночным приключениям.

— Скоро твоя смена, — прошептала Алиса в тишину комнаты, обращаясь к невидимому собеседнику. — Удачи тебе, Ночной Каратель.

Она быстро собрала свои вещи, накинула на плечи тёплую куртку, которая пахла дождём и свободой, и шагнула в прохладную, влажную ночь. Воздух был наполнен ароматом мокрой листвы и чего-то неуловимо таинственного.

И тут ей показалось, или сквозь плотно закрытую дверь действительно донёсся тихий, едва уловимый смешок? Звук был настолько призрачным, что мог быть лишь игрой воображения, но он заставил её сердце на мгновение замереть. Она не стала проверять.

«Старый Маяк», её рабочее место, остался позади, укутанный теньями. Он стоял там, тёмный и загадочный, хранящий в себе запахи старого воска и чужих, неразгаданных тайн.

А завтра... завтра будет новая смена. И новые записки. И, как ни странно, Алиса ждала их с нетерпением, словно предвкушая очередную главу в этой необычной истории.

Глава 2. Правила общения и странности

Постепенно ночь вступила в свои права, но для девушки стала лишь продолжением тревожного дня. Сон ускользал оставляя её наедине с тишиной, которая звенела в ушах. Она лежала в своей крохотной комнатухе, где стены сжимались, а потолок становился бесконечно далёким. Каждый шорох за тонкой перегородкой, каждый хриплый кашель соседа проникал в её сознание, словно назойливые гости, незваные и нежеланные.

Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь мутное стекло окна, рисовал на стене призрачные узоры. Этот жёлтый, пульсирующий свет был похож на навязчивую мысль, которую невозможно отогнать, на эхо прошлого, которое не давало покоя. Алиса закрыла глаза, пытаясь найти спасение в темноте, но вместо этого перед её внутренним взором возникло его лицо.

Андрей.

Его образ был выжжен в её памяти, как клеймо. Она видела его сжатые в кулаки руки, готовые к удару, слышала его голос, который менял тональность от мольбы до яростного крика: «Ты ничтожество. Без меня ты никто». Каждый синяк, каждая слеза, которую она украдкой вытирала в холодной ванной, были живыми воспоминаниями, терзающими её душу.

Три месяца прошло. А он всё ещё был здесь — в её мыслях, в её страхах, в каждом её вздрагивании от резких звуков, в том, как она отводила взгляд, встречаясь с глазами незнакомых мужчин. Его присутствие было невидимым, но ощутимым, как холодный ветер, пронизывающий до костей. Она боролась, пыталась вырваться из плена прошлого, но каждый раз оказывалась снова там, где он оставил её — наедине с болью и пустотой.

В середине ночи Алиса резко села на кровати и резко распахнула глаза. Сердце забилося в груди, а дыхание перехватило от внезапного ощущения чужого присутствия.

Ей показалось, что кто-то тихо, но настойчиво произнес её имя. Голос был глухим и мягким, совершенно незнакомым, но, что самое странное, не вызывающим страха. Он как будто нарочно вырвал ее из кошмара.

— Алиса...

Она замерла, прислушиваясь к каждому шороху. Тишина стала еще гуще, нарушаемая лишь приглушенным кашлем соседа из соседней квартиры и мерным, гипнотизирующим тиканьем будильника, отсчитывающего секунды до рассвета.

— Померещилось, — прошептала она, пытаясь убедить себя в этом, и снова попыталась устроиться поудобнее.

Она не могла заснуть. Не только из-за этого шёпота. Из-за Андрея. Стоило закрыть глаза, как его лицо возникало само собой — не злое, нет, в этот раз другое. Каким он был в самом начале.

Девушка вспомнила их первую встречу. Книжный магазин на окраине, где она подрабатывала после института. Он зашёл под вечер, когда никого не было, и долго бродил между стеллажами, разглядывая корешки. Алиса тогда подумала: «Ещё один, который ничего не купит». Но он подошёл к стойке с томиком Бродского и спросил:

— А вы любите стихи?

Голос у него был тихий, почти застенчивый. Алиса ответила, что любит. Он улыбнулся — и в этой улыбке было что-то мальчишеское, беззащитное. Она пропала.

Потом были кофе в постель. Записки на зеркале. Он писал ей стихи — неуклюжие, смешные, но от этого ещё более трогательные. Он мог позвонить в два часа ночи, чтобы сказать: «Я просто хотел услышать твой голос». Алиса тогда думала, что это любовь. Что она наконец-то нашла того, кто не оставит.

А потом что-то сломалось.

Она не помнила точного момента. Может быть, когда он впервые повысил голос. Может, когда швырнул телефон об стену. А может, когда она поймала себя на том, что боится сказать ему «нет». Первый раз, когда она по-настоящему испугалась, случился в супермаркете.

Ведь просто взяла не тот сыр. Он орал на неё у витрины, при посторонних, брызгая слюной, тряся перед её лицом упаковкой. Алиса стояла и смотрела в пол, чувствуя, как горят щёки, как кто-то из покупателей качает головой, как кассирша отводит взгляд. Дома он извинялся. Плакал. Говорил, что устал на работе, что нервный срыв, что это больше не повторится. Она поверила.

Повторилось. Через неделю. И снова. И снова. Каждый раз — извинения, слёзы, обещания. И её тихое, умирающее «я тебя прощаю». Она перестала узнавать себя в зеркале. Вместо той девушки, которая смеялась над его записками, оттуда смотрела испуганная тень, которая боялась лишний раз вздохнуть.

Она вспомнила, как однажды нашла в его телефоне переписку с другой. И не разозлилась. Не заплакала. Только подумала: «Хорошо. Может, теперь он оставит меня в покое». Не оставил. Он разбил телефон сам — и сказал, что это она виновата, потому что «лезет не в своё дело».

Алиса открыла глаза. Тьма в комнате была густой, липкой. Она лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как прошлое сжимает горло невидимыми пальцами.

— Никогда больше, — прошептала она. — Никогда.

До самого утра девушка лежала с широко открытыми глазами, боясь погрузиться в объятия Морфея. Каждый раз, когда веки начинали тяжелеть, перед её внутренним взором возникал образ бывшего, и она с новой силой отгоняла сон, предпочитая реальность, какой бы тягостной она ни была.

Наконец, утро пробилось сквозь плотные шторы, принеся с собой долгожданное облегчение. Серое, дождливое, но такое родное и безопасное. Алиса встала, ощущая легкую слабость в теле, но с решимостью в глазах. Она натянула привычные джинсы, уютный свитер, собрала непослушные волосы в высокий хвост. В зеркале на неё смотрела бледная девушка, с темными кругами под глазами, свидетелями бессонной ночи. Но сегодня, впервые за долгое время, на её губах появилась едва заметная улыбка.

— Сегодня будет лучше, — сказала она своему отражению, и в её голосе звучала новая сила. — Ты справишься.

Аромат свежесваренного кофе окутал Алису, едва она переступила порог гостиницы «Старый Маяк». Странно. Алиса не помнила, чтобы вчера здесь пахло кофе. Она обвела взглядом холл — пусто, тихо, только старые напольные часы отбивают секунды, их тиканье нарушало безмолвие. На стойке администратора, под мягким светом зеленой лампы, лежала раскрытая книга жалоб и две ручки — одна синяя, её собственная, другая, красная, принадлежавшая ночному администратору.

Новый администратор подошла к стойке, небрежно повесила куртку на спинку стула и открыла книгу жалоб. Сердце ёкнуло, предчувствуя что-то необычное. И действительно, на следующей странице красовалась новая запись, сделанная красной пастой. Аккуратные, чуть наклоненные буквы, словно выведенные торопливой, но старательной рукой, привлекли её внимание.

«Алиса, спасибо за печенье. Но почему оно было в пакете с надписью "Моё. Не трогать"? Ты проверяешь, умею ли я читать? P.S. В номере 12 постоялец утверждает, что у него из-под кровати украли тапки. Ты не брала? P.P.S. Пароль "рамид" я угадал с третьей попытки. Неоригинально. До ночи, Каратель»

Девушка невольно фыркнула, тут же прикрыв рот ладонью. Из груди вырвался неожиданный, тёплый, почти забытый смех.

— «Неоригинально», — повторила она шёпотом. — Ах ты, Каратель...

В её голосе звучала смесь удивления, легкого раздражения и, конечно же, нескрываемого веселья. Этот человек, этот таинственный «Каратель», снова сумел её рассмешить, вырвав из привычной рутины и напомнив о том, что даже в самой обыденной обстановке может скрываться искра приключения.

Синяя ручка скользнула по бумаге, оставляя за собой чернильный след, словно росчерк судьбы. Алиса, с легкой усмешкой, добавила к его посланию свой ответ, полный игривой дерзости.

«Дамир, если бы я воровала тапки, я бы взяла те, что в 8-м номере — они с котами. Пароль неоригинальный? А ты попробуй угадать, какой пароль я поставлю на сейф в следующий раз. Подсказка: он связан с твоей нелепой подписью. P.S. Кексы принесла сегодня. Шоколадные. Смотри не лопни, Каратель»

Перечитав написанное, она не смогла сдержать улыбки. Это была не та натянутая улыбка, которую она заставляла себя демонстрировать последние три месяца, а искренняя, идущая из глубины души. Впервые за долгое время она почувствовала себя живой.

Третье утро в «Старом Маяке» началось как обычно: серый свет из окна, тишина, запах пыли и воска. Алиса повесила куртку, налила себе чай и открыла книгу жалоб.

Красная ручка снова была на месте. И новая запись.

«Алиса, доброй ночи. Сегодня я пересчитывал полотенца в подсобке. Их 144. Ровно 144. Я пересчитал три раза, потому что не поверил. Кто-то очень любит чётные числа. Или просто не умеет считать. Спорим, завтра ты пересчитаешь и обнаружишь, что я ошибся? Дамир»

Девушка фыркнула. Полотенца. Серьёзно? Он сидит там ночью, в пустой гостинице, и пересчитывает полотенца? Она взяла синюю ручку и написала под его строчками:

«Дамир, я пересчитала. 143. Одно украл Миша из 3-го номера. Я спросила зачем. Он сказал: "Для лысины, детка, для лысины". Я не стала спорить. Счёт 1:0 в мою пользу. Дневная Фея»

Она закрыла книгу и уже хотела отойти, но что-то заставило её открыть снова. Всего через минуту — будто она ждала, что он ответит прямо сейчас, хотя знала, что Дамира на работе нет. Но нет. Страница оставалась прежней. Алиса вздохнула и пошла проверять первый этаж.

На следующее утро книга жалоб снова была раскрыта. И снова красные строки.

«Миша с лысиной из 3-го? Знаю такого. В прошлый раз он пытался украсть люстру из холла. Сказал, что "брак, а мы с женой как раз искали такую". Сдаётся мне, он просто коллекционирует всё, что не приколочено. Уступить не могу. Завтра принесу с собой считалку. И кстати, 143 — это нечестно. Ты посчитала без учёта того, что в стирке. Завтра пересчитаем. Дамир»

Девушка рассмеялась, громко, и эхо разнеслось по пустому холлу. Ей показалось, что стены гостиницы вздрогнули от этого звука, будто не привыкли к нему.

Она написала в ответ одно слово: «Договорились».

— Дурацкая переписка, — прошептала она, но в голосе звучала скорее нежность, чем раздражение.

И почему-то весь день у неё было тепло на душе.

День, который еще вчера тянулся бесконечной чередой серых будней, сегодня проходил медленно, но уже не так тоскливо. В воздухе витало предвкушение чего-то нового, чего-то, что могло бы раскрасить ее жизнь яркими красками.

Алиса, словно опытный дирижер, управляла своим маленьким миром, и события разворачивались одно за другим, добавляя в ее день неожиданные повороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.